

Очевидные утраты, сомнительные и несомненные приобретения

Итоги года в литературе

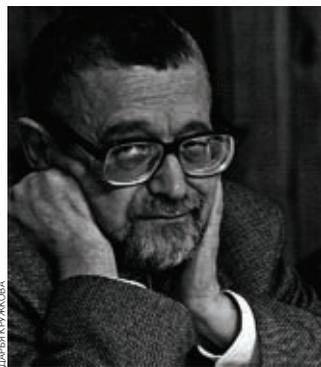
подводят Анна Наринская и Григорий Дашевский

Михаил Генделев
(1950–2009)

Всеволод Некрасов
(1934–2009)

Лев Лосев
(1937–2009)

Наталья Трауберг
(1928–2009)

Алексей Парщиков
(1954–2009)

ГЛАВНЫМ — не соизмеримым по важности ни с чем остальным — событием этого года в поэзии стали смерти поэтов: Михаила Генделева, Всеволода Некрасова, Льва Лосева, Алексея Парщикова, Александра Межирова, Евгения Сабурова, Михаила Поздняева. В этот же ряд в нашем сознании встали имена умерших в этом году Натальи Трауберг, Василия Аксенова и Петра Вайля. Если бы не общая дата смерти, мало что смогло бы объединить эти имена в одной строке: у них были максимально разные поэтики, разные школы, разный круг читателей. И самое главное: они внутренне принадлежали к разным временам — и с их смертью в этом году все эти разные времена одновременно завершились, прервались. Как назвать периоды, границей между которыми стал 2009-й, — это сформулируют потом историки литературы; но что этот год разделит историю современной русской поэзии на «до» и «после» — это ясно уже сейчас.

Недостаточно замеченное, но при этом важное, даже главное событие — выход книги Григория Амелина и Валентины Мордерер, посвященной стихам Хлебникова, Пастернака, Мандельштама, — «Письма о русской поэзии». Работы Амелина и Мордерер вызывают у многих раздражение и даже негодование («Это не филология!»),

но такая реакция — предсказуемая плата за ту последовательность и независимость, с какой Амелин и Мордерер утверждают свое понимание и свой способ чтения.

Они воплощают собой уединенный и независимый тип читателя, такого, каким Пушкин советовал быть поэту: «Ты царь: живи один». Когда такой читатель выступает в роли публичного, а не только для себя толкователя, он переводит стихи с загадочного авторского языка не на общепонятный, а на другой, загадочный. Он не распаивает для всех парадный вход, а пробивает его в новом, не самом заметном месте, и его толкование не будет ни произвольным, ни позерским, оно будет подчиняться твердым правилам — но своим собственным.

Титул самой знаменательной отечественной книги года отходит произведению Александра Терехова «Каменный мост». Этот слишком длинный, бессмысленно запутанный, вычурно написанный, паразитирующий на всеобщем нездоровом интересе к сталинизму, изобилующий отвратительными недопорнографическими сценами и обнаруживающий множество комплексов своего автора роман для многих оказался источником творческой энергии. Рецензии на «Каменный мост» практически неизменно оказывались куда интереснее остального

литературно-критического материала, а споры об этом тексте практически так же неизменно возвращали нас в полузабытое время страстных кухонных споров. Терехов, конечно, нажимает на очевидные кнопки протеста — «Сталин», «реальные люди в качестве персонажей» или «сексуальная зависимость» — но именно очевидные темы вызывают самые бурные чувства.

Самое большое разочарование года — «Т» Виктора Пелевина. И в то же время — самое большое очарование. Разочарование, потому что из этой книги становится очевидно, что нашему главному автору почти совсем уже нечего сказать. Что плотность его сцепления с отечественной современностью исчерпывается чтением гляцевых журналов и неглубоким интернет-серфом, а важные для него, вневременные вещи уже множество раз им сказаны, повторены и перелицованы. Очарование, потому что пелевинская интонация, его умение перемешивать самое главное со всякой смешной ерундой, его неожиданная точность определений, а иногда даже междометий — для многих это самое дорогое, что в нынешней нашей литературе имеется.

Интригой года можно считать публикацию романа «Околоноля», написанного Натаном Дубовицким. Еще

до выхода этого произведения в свет появился слух, что его автор — кремлевский идеолог Владислав Сурков, так что для многих главным здесь оказалось изложение в этом тексте политической позиции автора, которая вкратце формулируется в том смысле, что не любить власть — значит не любить жизнь. Хотя культурные воззрения автора представляются куда более интересными. Они у него, во-первых, имеются — и бал там правят Набоков, Борхес и, конечно же, Пелевин, а во-вторых, рассыпая пригоршнями Витгенштейнов, Малларме, Уолтов Уитменов и Алленов Гинсбергов, автор демонстрирует несовременную уверенность в том, что орден все еще раздаются в большом и непостижимом для посредственностей мире Культуры, что даже трогательно.

Интрига с «Околоноля» завершилась менее захватывающе, чем начиналась: несмотря на то что Владислав Сурков сперва написал на этот опус разгромную рецензию, где, в частности, говорилось, что «книга словно написана на оберточной бумаге, в которую упакован холодный полый ноль», а потом признал свое авторство, интерес к роману быстро утих.

Переводной книгой года можно было бы назвать «Дорогу перемен» Ричарда Йейтса, если бы этот перевод не был так плох. Книга вышла у нас